

Наталья Венгерова

Неправильный ОТВЕТ

*Неутомимому книгочелю и бесконечно любимому отцу
посвящается.*

Москва

2024

Глава I. Йогурт в ботинке

В меру дорогое кафе, как и полагается средь бела дня в самом сердце большого города, кипело жизнью. Осанистые мужчины в костюмах и галстуках. Стройные, утянутые в юбки-карандаши женщины на высоких каблуках. Важные разговоры, учтивые улыбки и обсуждение новостей между салатом «Цезарь» и капучино.

Краевский стоял через дорогу у решеток открытых окон в своей квартирке на первом этаже, слушал шум суеты и наблюдал за верандой заведения.

«Никчемность... — думал он. — Никто из них не осмеливается заглянуть ей в лицо. Она разъедает изнутри, а они покорно тратят все силы и время на то, чтобы прикрыть размер расширяющейся дыры. Не залатать, не наполнить... прикрыть. Привести свое обличье в полное несоответствие с внутренним, но мастерски подогнать под требовательные стандарты внешнего. Отказываясь замечать в себе какое-либо лицемерие, большинство радуется очевидной никчемности кого-то другого. Фыркая по-лошадиному губами, обмениваясь понимающими взглядами с такими же искусно укутанными соседями. Они убеждают себя, что эта беда не про них. Оценивают свои объективные параметры и гордятся ими, даже если радости те не приносят. Но никчемность продолжает грызть. С возрастом

портится характер, ухудшается здоровье, пропадает интерес. Если всю жизнь не видеть того, что внутри, то как можно разглядеть хоть что-то снаружи? В играх разума находятся требуемые аргументы, душа давно в коме, рецепторы интуиции атрофированы за ненужностью. Ты ничто... К пятидесяти годам ты замурованное в мертвую броню, в меру состоятельное, одобряемое обществом ничто. Есть ли в этом смысл? Нет. Лишь никчемность в оправе. Оправе, которая стоила целой жизни, чтобы ее создать. Тихая трагедия потерянной в сытости судьбы. Трагедия, о которой человек никогда не расскажет даже самому себе...»

За спиной Краевского раздался слабый, сдавленный стон. Он резко обернулся. Нет, Мишаня все еще мирно спал в укрытии из клетчатого пледа.

Краевский вздохнул и тихо, чтобы не разбудить сына, отправился к себе в рабочий угол. Какое-то время, опершись на спинку старого, пластикового, офисного стула, он смотрел в висевшее над столом зеркало; на свое худое, осунувшееся, заросшее густой седой бородой, чересчур рано состарившееся лицо. Потом опустил взгляд. На столе валялся пучок разнокалиберных проводов, отвертки, паяльник, маленький пульт на две кнопки и как будто не принадлежащее этому миру детское кольцо. Цепочку из чарующе сверкающих пластмассовых бриллиантов венчал претендующий на ассоциацию с рубином выпуклый каплевидный кулон, ограниченный все такими же блестяшками. «Надо бы успеть, пока Мишаня не проснулся», — подумал Краевский. Работы предстояло много...

На дворе стоял далекий двухтысячный. Семья Веры и Никиты Краевских, перешагнув свой первый десятилетний рубеж, была полна того тепла и близости, которые обычно стараются не афишировать. Обоим немного за тридцать, оба привлекательны и умны, оба преисполнены уверенности, что все еще впереди. Сыну Мишане недавно исполнилось девять. Прилежный, в меру озорной, щуплый, трогательный мальчик пока еще безраздельно боготворящий своих родителей. Единственное, что выделяло его из толпы сверстников была страсть не столько читать комиксы, сколько рисовать собственные. Чем он и занимался везде, от салфеток на обеденном столе до школьных тетрадей.

Тишину завтрака ранним апрельским утром мерил стук маятника настенных часов, гоня длинную тень в пыльной полоске солнечного света. Покончив с содержимым тарелки, Вера, словно бокал, подняла чашку с последним глотком кофе и, как бы произнося тост, промолвила, подмигнув мужу:

— Очень важный день!

— Очень важный день... — понимающе улыбнулся и сделал глоток из своей чашки Краевский.

— Очень важный день? — немедленно вмешался Мишаня.

— Твой отец едет обсуждать предложение одного из крупнейших издательств города, — пояснила Вера.

— Они напечатают твою книгу, пап? — судя по неподдельному энтузиазму, сыну давно разъяснили важность такого события.

— Будем надеяться...

— Только в другую школу меня не переводи, когда разбогатеешь.

Никита засмеялся. Вера закатила глаза и, потрепав сына по волосам, поднялась собирать со стола посуду.

— Что? — не совсем поняв реакции родителей, сконфузился Мишаня. — Я люблю свою школу...

— Тогда тебе стоит поторопиться, — Вера взглянула на часы, — иначе ты в нее опоздаешь.

Через четверть часа Мишаня выбежал из квартиры.

— Иди вызывай лифт, — скомандовал Никита и обнял провожавшую их жену.

Он гордился супругой, наверное, даже чуточку больше, чем ее любил. До конца Краевский никогда не понимал, что такая очаровательная женщина со столь не свойственной эпохе мудростью и неподдельной феминностью нашла в нем достаточно привлекательного, чтобы выйти замуж. Она, проведя полжизни в гимнастике, стройна и грациозна как фарфоровая статуэтка. Он, никогда не любивший спорт и выросший в семье с полным отсутствием культуры питания, того и гляди начнет покупать одежду в специализиро-

ванных магазинах для толстяков. Вера давала частные уроки по трем языкам, тонко чувствовала звуки неоклассики Стравинского, а ее карандашными зарисовками восхищались все, кто их видел. Никите иностранные языки не давались совсем, он с трудом мог отличить Шопена от Рахманинова, а к изобразительным (как, в общем-то, и ко всем прочим) искусствам способностей не имел вовсе. Правда, ему легче других удавалось играть словами, а талант рассказчика делал Никиту душой компании на любой вечеринке. Однако, насколько Краевский в этом хорош, еще предстояло доказать. Пока же лет десять как приходилось довольствоваться незатейливыми текстиками, что под заказ запрашивало издательство. Платили ему неплохо, жили они, в целом, достойно. Все же, Никиту не покидали навязчивые мысли, что супруга заслуживает бытия куда лучшего, и не менее докучливые страхи, что рано или поздно она это осознает. И пусть у Веры точно не было нужды в том, чтобы ей что-то доказывали, продемонстрировать свою успешность он жаждал именно ей.

— Через пару месяцев я буду женой известного писателя, — Вера с нежностью смотрела на круглое, гладко выбритое лицо супруга. Он был из тех, кто бреется каждый день и не выносит даже двухдневной щетины.

— Будем надеяться, что тебе ради этого не придется сменить мужа, — усмехнулся тот ей в ответ и, чмокнув на прощанье в нос, отправился к открывавшемуся лифту.

***

Тем же утром в нескольких кварталах от дома Краевских, в куда более просторных апартаментах недавно отстроенного элитного дома, еще одна семья заканчивала завтрак.

— Правильное кино — это когда тебе два часа хочется плакать, а потом очень хочется жить! Как тебе? — воодушевленно произнесла хозяйка дома, делая глоток неизменно начинающего ее день смузи из сельдерея с петрушкой.

Марии Петровне Радзинской было давно за сорок. Однако редкое сочетание безупречной ухоженности и искрящегося интеллекта игривых зеленых глаз делало ее невероятно привлекательной. Купаясь в достатке своего супруга и не видя никакой надобности в трудовой деятельности, последние годы Мария Петровна шутки ради начала писать статейки о кино, а они совершенно неожиданно, прежде всего для самого автора, стали набирать небывалую популярность.

— Женский взгляд на мир, — раздался растягивающий слова басистый голос из-за раскрытой газеты. Семён Павлович Радзинский был заметно старше Марии Петровны. Успешный торговец и бизнесмен наклонностей к творчеству не имел вовсе и к деятельности жены относился скорее снисходительно, чем как-либо еще.

— Правильное кино, как мне кажется, должно вдохновлять на размышления. Все прочее — лишь игра на нейромедиаторах в коммерческих целях, — добавил он.

— Затеяливо сказал, — задумчиво произнесла Мария Пет-

ровна, хотела добавить что-то еще, но тут раздался насмешливый молодой голос от входа в столовую:

— Начали академический спор еще до первых петухов?

На пороге появился высокий, идеально сложенный и крайне привлекательный юноша. И манера держаться, и интонации голоса мгновенно заявляли о завидной уверенности в себе.

— Сынок, к восьми утра все петухи положенное уже отпели, — вздохнул Семён Павлович.

— Алекс, имей совесть, сейчас же садись за стол, — подхватила Мария Петровна, — у тебя десять минут или ты опять опоздаешь в школу.

Разве что не изобразив пару танцевальных па, Радзинский-младший изящно подлетел к столу, одарил обоих родителей поцелуем в щеку и уселся уплетать уже почти остывший омлет.

— «Режиссер — это, собственно, Колумб. Он хочет открыть Америку, а вся команда хочет домой», — важно продекламировал Алекс. — Специально для тебя, маман, ношу в голове со вчерашнего вечера.

Мария Петровна ласково улыбнулась.

— Чей каламбур? — проговорил бас из-за газеты.

— Феллини.

— Ишь!

***

Миша Краевский и Александр Радзинский добрались до двора школы номер сто восемнадцать практически одновременно. Мишаня, выбравшись из отцовского автомобиля, вприпрыжку побежал напрямик в раздевалку, предвкушая встречу с друзьями. Алекс задержался перекинуться парой фраз с группой подростков у торца здания и подмигнуть несколькими девчонкам из соседнего класса.

Четыре этажа сталинского здания, окруженные несколькими сотками земли в ободке красно-голубого частоккола, давали приют дюжинам детских миров, многие из которых никогда не пересекались. Заурядный пятиклашка и не по годам сияющий успешностью старшеклассник не были знакомы и вряд ли обратили бы внимание друг на друга, столкнувшись где-то на улице. Однако сегодняшнему дню было суждено надолго связать их судьбы крепкими цепями. Хотя насколько надолго, Радзинский узнает лишь спустя годы.

Школьный день ничем не отличался от прочих. В обеденный перерыв огромный зал столовой силился не лопнуть от шума болтовни, звяканья посуды и топота снующих туда-сюда детских ног.

Мишаня в компании своего вечного спутника Серёги и еще нескольких одноклассников сидел перед заполненными объедками прямоугольными подносами, дожевывая предложенные школой яства. Друг вовсю хвастался привезенным отцом из командировки подарком. Фигурка Человека-паука.

Не какая-то там игрушенция, а коллекционный экземпляр. Подбоченившись, металлический мускулистый атлет строго глядел вперед, не страшась никаких угроз. Крут он был, аж дух захватывало.

Мальчишки ахали и охали, Серёга играл на публику и все шире распушал перья. Мишаня боролся с неадекватным едким чувством несправедливости. Ну разве кто-то так же искренне восхитится каждым изгибом этого произведения искусства, как он! Серёга даже не коллекционировал фигурки, а у Мишани на полке их было уже восемь. И каждую из них он уже успел зарисовать под всеми мыслимыми углами, но такого чуда еще не видел. Он же как настоящий, того и гляди паутину из запястья выпустит. Зависть сменилась было угрызениями: все-таки лучший друг, стоило бы просто за него порадоваться, но мысли не дали места анализу чувств, поплыв, размывая очертания реальности, преобразуя линии картинок для новых сюжетов. Вот бы прям сейчас их все зарисовать!

Тут произошел конфуз. За спиной ребят с подносом в руках протискивался между столов в компании приятелей Радзинский. Неудачно повернувшись, в попытке что-то сказать идущему сзади товарищу, он вдарил локтем по затылку хвосту. Пластиковый стакан с киселем, соскочив с подноса Алекса, перепрыгнул Серёге через плечо и, облив вяжущей краснотой супергероя и хозяина, приземлился в центр стола.

— Ох, прости, приятель, случайно вышло! — вполне иск-

ренне тут же извинился Алекс.

Выглядел пострадавший потешно. Мишане удалось скрыть улыбку, но большинство ребят не смогли сдержать хохоток. От резкой смены восхищения унижением Серёга покрылся пятнами того же цвета, что и кисель, которым его только что обдали. Он вскочил на ноги:

— Ты что творишь? — взревел он, таращась снизу вверх на Радзинского в искренней, но очень уж карикатурной ярости.

Алекс нахмурился скорее с иронией, чем из расстройства.

— Я же сказал «извини», — протянул он. В каждом звуке этой фразы звучало бесящее своей отеческой заботой предостережение от развития конфликта. Секундной паузы было достаточно, чтобы Серёга сдулся.

— На вот салфеток еще, и не серчай. Я, правда, не нарочно, — небрежно добавил Алекс и, кинув пару кусков бумажных полотенец со своего подноса на стол, развернулся и продолжил путь. Отойдя на несколько шагов от облитой компотом жертвы, он что-то шепнул своим спутникам, и все дружно рассмеялись.

Серёга, понуро опустившийся на свой стул, залился краской пуще прежнего. Бормоча себе под нос какие-то проклятия, он вытирал лицо и запачканный пиджак. Ребята начали расходиться. Скоро звонок. Ни обсуждать, ни комментировать случившееся никому не хотелось. Может Серёга и не осме-

лился на дуэль со старшеклассником, но среди себе равных он был крепышом, а сейчас казалось, и искры не надо, чтобы устроить взрыв.

Мишаня остался. Какое-то время понаблюдав за тщетными попытками друга привести себя в опрятный вид, он взял упавшего в тарелку супергероя и начал очищать его от компота. Конечно, исключительно в знак помощи. Но тихий голосок где-то на краю сознания все-таки успел выдать урек: это лишь для того, чтобы рассмотреть фигурку еще раз.

— Это Радзинский из одиннадцатого «Б», знаешь его? — пробурчал немного осипшим голосом Серёга.

— Не-а... — промямлил Мишка. Он как раз повернул Паука под углом, когда его силуэт особенно интересно смотрелся.

— Папаша у него очень крутой, вот и творит, что хочет... — Серёга поднял голову, со злостью бросил грязные салфетки на стол, и его взгляд упал на отлитого из стали героя, которого Мишаня крутил в ладонях.

— Хочешь фигурку заработать? — Серёга перегнулся через стол и перешел на грудной шепот. — У старшаков сейчас тренировка по баскетболу. Налей йогурт в сменку этого красавца.

— Что? — Мишаня наконец перевел взгляд на друга.

Серёга, явно пытаясь пародировать сцены криминального

кино, подтолкнул в сторону Мишани стоящий на столе закрытый стаканчик с творожным десертом.

— Нальешь — фигурка твоя. Пусть тоже пооттирает...

— У самого кишка тонка? — оцетинился Мишаня.

— Во-первых, меня вычислят сразу. Во-вторых, меня батя поколотит. Он обещал, если опять что-то в школе натворю. А ты у нас паинька, и папа с мамой у тебя плюшевые. — В голосе Серёги звучала недетская злоба, которую Мишаня старался не замечать.

Фигурку хотелось очень, у него никогда даже похожей игрушки не было. Еще и Человек-паук... Он вновь кинул взгляд на безукоризненно прорисованный значок на груди героя, на его мускулистые, смелые руки, на лицо, так идеально снятое с картинок в комиксах, но все же ответил:

— Ну это же глупость, ей богу!

— Да ладно тебе, — с азартом почуявшего кровь койота парировал Серёга, — за друга отомстишь и Паук твой. Ты же небось о таком в коллекции и мечтать не мог.

Не мог. Мишаня сдался и едва заметно кивнул. План был разработан молниеносно. Старшеклассники уже переоделись и разогревались в зале, но урок еще не начался. Краевский-младший пробрался в раздевалку спортивного зала, за окном которой, словно кактус на подоконнике, торчала голова подговорившего его на преступление приятеля.

Серёга, к немалому удивлению друга, заявивший, что точно помнит ботинки обидчика, описал их как «черные лакированные». Мишаня шарил глазами по рядам оставленной обуви, нашел подходящие под описание туфли. Схватил один ботинок и с вопросительным взглядом поднял к окну. Серёга с плотоядной улыбкой кивнул.

Это был один из тех моментов, которые бывали в жизни у каждого. Трясущимися пальцами открывая пластиковый стаканчик и выливая белую жижу в начищенный дорогой лофер, Мишаня до истерики ощутил, как волной поднимается уверенность, что происходящее приведет к катастрофе. Он это совершенно точно знал, но ведомый стремлением осуществления задуманного оставил без внимания. Без доводов разума сложно доверять ощущениям. И волна послушно улеглась, когда ребята с хохотом бежали на урок, а Серёга, как честный человек, прямо на лету всунул Мишане в ладонь поблескивающего синим металлом супергероя.

Скучные речитативы о Древнем Египте, которые будто напевала Алла Владимировна, учитель истории, Краевский не слушал. Ему не давало покоя сокровище, которое он спрятал в рюкзак в начале урока. Достать игрушку на парту значило подвергнуть ее риску конфискации. Такого позволить он себе не мог.

Ох, как же хотелось его разглядеть! Помаявшись минут двадцать, Мишаня незаметно сунул свой приз, блокнот и карандаш в карман и отпросился в туалет. Закрывшись в кабинке,

он достал фигурку и начал разглядывать. До чего ж реалистичное лицо, того и гляди заговорит! Скрючившись на стульчаке, он аккуратно поставил Паука на держатель для бумаги, чтобы взять в определенном ракурсе, и начал рисовать. Одну картинку, не больше. Потом надо вернуться на урок.

Получилось неплохо. Довольный собой Мишаня вновь собрал все в карман, спустил для вида воду и открыл дверь, чтобы выйти из кабинки.

От неожиданности он даже вскрикнул.

Напротив него, присев на столешницу раковины, с суровым взглядом скрестив руки на груди, стоял Радзинский. Рядом с раковиной — залитый йогуртом ботинок.

— Серьезно? — протянул Алекс после паузы. Ситуация была ему скорее крайне неприятна, чем злила.

— Ты о чем? — не очень элегантно изобразил непонимание напуганный до чертиков Мишаня.

— Ты зачем это сделал, лепрекон?

— Ты о чем?

Мишаня впервые в жизни почувствовал, как его тело начинает видимо трястись от страха. Только вот страха чего — боли или унижения, — он понять не мог. Уж не разоблачения — точно.

— Ты же понимаешь, что тебе придется все это вымыть, — процедил Алекс, сверля глазами младшеклассника.

— Нет, я не понимаю! — услышал Мишаня впечатливший его самого вызов в собственном голосе. — Почему мне придется?

— Это не ты сделал?

— Ты видел, как я это делаю?! — лишь выкрикнув эти слова, Мишаня понял, что перегнул палку.

Алекс сокрушенно покачал головой. Он очевидно начал терять самообладание.

— Мой, говорят... — тихо почти прорычал он.

— Нет! — Мишане зачем-то подумалось, что будь он сейчас быком, то глаза его наверняка налились бы кровью.

— Я сказал, мой!

— Нет!

Алекс не выдержал. Одним ловким движением крепкая рука схватила Мишку за грудки. Тут же сначала одна щека потом другая загорелись от двух хлестких ударов ладонью. Слезы брызнули сами собой, и страх отправил в нокаут набравшую обороты смелость. Никогда прежде Мишаню не били.

Все силы пустив на то, чтобы подавить рыдания и все равно

как будто со стороны слыша собственные всхлипы, Мишаня под тяжелым взглядом Алекса встал у раковины и начал смывать белую жижу с ботинка.

Несколько минут Алекс молча наблюдал за его работой, а потом опять спросил:

— Зачем ты это сделал? — голос его звучал очень серьезно, но совсем спокойно, даже мягко.

— За друга отомстил.

— Придурки... — презрительно усмехнулся Алекс.

Этот плачущий тощий мальчишка, расплескивающий лужи воды вокруг себя, эти трясущиеся руки, держащие его ботинок, всхлипы, разносящиеся эхом по тишине пустого туалета. Алексеу стало противно. Работа кое-как сделана, пора заканчивать с актом возмездия, пока дело не переросло в психотравму пятиклассника на всю оставшуюся жизнь.

Выхватив свой ботинок, Алекс нагнулся к лицу Мишани и прошелестел:

— Подойди еще раз к моим вещам, и я утоплю тебя в этой раковине. Понятно?

Тот испуганно закивал головой в знак согласия.

Алекс часто спрашивал себя потом, зачем он это сделал. Из злости ли на себя (ну точно не на ревущего малолетку), а

может на ситуацию в целом, но он почему-то предпочел не обойти мальчишку, направляясь к выходу, а оттолкнуть его с дороги.

Неловко поскользнувшись на налитой им самим луже, Мишаня неуклюже полетел на пол, с размаху свалился на спину и на полной скорости угодил головой в кафель. Ему почудилось, что он услышал хруст, потом все загудело, но внутри, а не снаружи. Подкатила тошнота, но тут же отступила.

— Ты в порядке? — услышал он издалека голос Алекса.

— Да... — стены, было поплывшие со своих мест, встали на место. Гул исчез, осталась только боль, — да, в порядке...

Алекс вновь покачал головой, вздохнул и вышел в школьный коридор.

Мишаня медленно сел. Боль отступала, наступала обида. Опять захотелось плакать. Разревелся в голос. Ревел, ревел. Так и сидел на полу, пока не отпустило. Потом умылся, подождал, чтобы спала краснота с лица и побрел прочь из ненавистного теперь на всю оставшуюся жизнь места.

Вернувшись в класс в абсолютно мокрых штанах, пятиклассник сразу же удостоился вполне резонного вопроса Аллы Владимировны, оглядевшей его недоуменным взглядом.

— И что, позволь спросить, с тобой случилось, Михаил?

— Кто-то налил лужу в туалете... Я поскользнулся и упал.

— Иди на свое место, Краевский, мы уже и не чаяли дож-
даться тебя до конца урока.

Под смешки и перешептывания однокашников, стараясь ни
с кем не встречаться взглядом, Мишаня угрюмо отправился
на свое место.

***

Вера уже в который раз смотрела на часы. В голове кру-
тились всё новые и новые аргументы для речи, что готови-
лась на случай, если супруг потерпел в издательстве фиаско.
Нет, полного провала, конечно, быть не должно. Издатель-
ство само пригласило его на встречу. Но Никита такой гор-
дый, а в рукопись вложено столько души и пота. Он жил
своим дебютным романом больше трех лет. Вера прекрасно
понимала, что несмотря на дюжину уже полученных отка-
зов, ее работавший сам не первый год в издательском мире
муж не отдаст свое детище за бесценок. Самолюбивый нрав
не позволит. А меж тем, с первой пробой пера, возможно,
это именно то, что стоило бы сделать. Советовать Никите
что-либо было нелегко. Он неизменно избегал споров, поч-
ти никогда не выходил из себя (многие даже принимали его
выдержку за равнодушие), но с завидной последовательнос-
тью всегда поступал так и только так, как считал нужным.
Большинство женщин увидели бы в подобной самостоя-
тельности принятий решений вызов. И немедленно присту-
пили бы к самоутверждению через попытки доказать значи-
мость влияния собственного мнения на мужа. Но Вера

видела в этом силу. Силу, которая ее очаровывала. Силу, которая, даже когда супруг действовал в разрез с ее умозаключениями, давала Вере детское ощущение защищенности под теплым могучим орлиным крылом. Бесценное ощущение.

На лестничной клетке послышались шаги, ключ повернулся в замке, дверь отворилась. Перед поспешившей в коридор Верой появился Никита.

Выдержав несколько секунд театральной паузы с ничего не выражавшим лицом, Краевский медленно вытащил из-за спины руку. В ней красовалась бутылка Moët & Chandon. В ответ на игривую, вопросительную улыбку жены он тихо произнес, смакуя каждое слово:

— Десять тысяч экземпляров.

Обычно сдержанная Вера взвизгнула не хуже малолетней поклонницы, увидевшей кумира, и бросилась Никите на шею.

— Семь процентов от каждой проданной книги, — добавил он, пока жена радостно зацеловывала его лицо, а потом прошептал ей в ухо причитающийся к процентам гонорар. После этого поведение супруги от повадок юных одержимых барышень уже ничем не отличалось вовсе.

— Поедем отмечать? — радостно спросила она, выпуская наконец мужа из объятий.

— Конечно, поедем. Где Мишаня?

Вера вдруг стала серьезной.

— Тебе стоит с ним поговорить. Мне кажется, что-то случилось в школе.

— А кажется тебе так потому что..?

— А кажется мне так, потому что у него все штаны были мокрые, он, видите ли, упал. Весь обед промолчал. И сидит у себя в комнате с самого обеда, у него, видите ли, уроков много.

— Так. Ты иди облачайся во что-нибудь красивое, а я пока узнаю, что там стряслось.

Когда Никита вошел в комнату сына, тот, сгорбившись в не совсем естественной позе, действительно, что-то старательно выводил в тетради.

— Привет, пап! Как прошел твой важный день? — улыбнулся Мишаня, повернувшись к отцу. Наигранная непринужденность тона была очевидна.

— Скажем так... Нам есть, что отметить, — мягко ответил Никита, сел на кровать и продолжил, — мама говорит, что ты был очень тихим после школы, и твоя одежда была мокрой.

Мишаня поджал губы. Резкое желание разреветься забурлило в горле. Чтобы его подавить, пришлось, прежде чем сказать хоть слово, изо всех сил стиснуть челюсти. От глаз Никиты это не ускользнуло, его лицо стало совсем серьез-

ным. Пауза затянулась, надо было что-то говорить. Врать отцу Мишаня никогда в жизни даже не пытался, тот ни разу не обманывал его доверие и не подводил. Держать историю в себе мочи не было, рассказывать о собственном позоре кому-то еще, было немыслимо. Мишаня набрал в грудь воздух и тихо начал:

— Помнишь, ты говорил, что за глупость почти всегда приходится платить унижением?

— Подрался?

— Не совсем...

Никита встал с кровати, закрыл оставленную им приоткрытой дверь в детскую и повернулся к сыну:

— Рассказывай.

И Мишаня рассказал. Честно и ничего не скрывая. Когда через двадцать минут в дверь постучала Вера, разговор, а вместе с ним и подробное описание собственных чувств о произошедшем были закончены.

— Уважаемые господа, — раздался кокетливый голос из-за двери, — позвольте напомнить вам, что никогда настоящие джентльмены не станут заставлять ждать даму, которую они пригласили на ужин.

— Еще мгновение, и мы к вашим услугам, мадам! — улыбнулся Никита.

Он сидел на кровати, Мишаня напротив. Ни разу не перебив рассказ, отец выдержал паузу, а потом серьезно, но тихо и по-дружески проговорил:

— В лужу на полу тебя привели алчность и трусость, дружок.

— Но я... — попытался возразить Мишаня, но отец все так же спокойно его осек:

— Сначала ты поплатился унижением за алчность. Тоже проявление глупости, конечно. Те, кто ставят желания выше принципов, рано или поздно дорого за это платят. Таков мирской закон.

Никита опять сделал паузу. Он рассматривал лицо сына, а тот, похоже, понимал, что возразить нечего.

— Ты сделал то, что изначально сам считал неправильным, из-за своей корысти, а потом проявил малодушие и не признал этого перед лицом наказания.

— Но я... я был...

— Всё в порядке, сынок. Это нормально. Тебе десять, ты еще только учишься жить. Вот, получил отличный урок. Так к этому и относись. Теперь сделай правильные выводы, и можно считать — инцидент исчерпан.

Никита потянулся, встал и направился к двери.

— Он? — кивнул Краевский-старший на пополнившего на

полке коллекцию фигурок супергероев металлического красавца в красном латексном костюме.

— Угу...

— Хорош! Ну, зато теперь он уж точно сполна оплачен. Хотя, если бы я был этим...

— Радзинским, — буркнул Мишаня.

— Если бы я был Радзинским, я бы надел этот ботинок тебе на голову, — проговорил Никита, а потом, уже у двери, повернулся к сыну и добавил, — но я рад, что он этого не сделал. Пойдем-ка праздновать, а?

Остаток вечера Краевские провели чудесно. В любимом ресторанчике семейства играла прекрасная живая музыка. Маленькое камерное пространство было наполнено атмосферой праздника и ароматами итальянской кухни. Мишаня как будто больше не переживал о случившемся, Вера с Никитой от души радовались предвкушениям грядущих перемен.

Как по заказу, стоило всем троим закончить с десертами, заиграла любимая песня Веры. Никита тотчас вытащил ее на небольшой дощатый танцпол, где уже танцевали несколько пар. Мишаня с улыбкой до ушей наблюдал за родителями, отбивал ногой ритм, допивал свой горячий шоколад и боролся с неотвратимо надвигающимся желанием спать.

На втором куплете Вера протянула сыну руку и поманила его к себе. Теперь он танцевал с матерью, а Никита занял место за столиком и любовался своей семьей. Чудо как хо-

рошо ему было в этот момент! Вера с грациозной легкостью кружила, ведя в танце Мишку. Тот заплетающимися ногами пытался не отставать, хохоча каждый раз, когда оступался. Как же очаровательна его жена! До чего же умилителен его сын. «Это тот момент, который останется в памяти одним из самых счастливых в жизни навсегда! На редкость она хороша... моя жизнь!» — подумал он.

Мишаня проспал всю дорогу домой, уснул стоило отцу завести автомобиль. Было уже за полночь, когда они наконец припарковались у подъезда. От машины Никита донес сопящего ангела до кровати и оставил в нежных руках жены, которая заботливо раздела и уложила сына спать как подбаивает.

По возвращении в гостиную Вера увидела зажженные свечи, два бокала, открытую Moët & Chandon и лукавую улыбку Никиты.

Небо еще не впустило красных тонов, но начинало светлеть, намекая на приближение рассвета, когда лишь недавно уснувших Краевских разбудил странный звук. Ритмичный то ли шелест, то ли шорох, сопровождающийся не менее ритмичным глухим постукиванием в стену.

— Что это? — пробормотала Вера.

— Черт его знает... — Никита еще толком даже не понял, что не спит. Вера насторожилась.

— Не из Мишкиной комнаты?

— Лежи, я посмотрю, — вздохнул Никита и выбрался из кровати.

До комнаты сына из спальни было всего три шага. И с каждым сознание Никиты все четче прояснялось от предчувствия случившейся беды. Когда он открыл дверь в детскую, сразу стало понятно, что шелест и стуки, а вместе с ними и странные хлюпающие хрипы, доносились из кровати, но кроме непонятной возни, в темноте разобрать ничего не было возможно.

Краевский с силой рванул выключатель. Мишаня лежал на постели в неестественной позе, как будто свалился с крыши многоэтажки. Лицо исказила жуткая гримаса. Один глаз смотрел в сторону, второй закатился куда-то глубоко наверх. Из открытого перекошенного рта стекала слюна и пена. Тело его билось в конвульсиях. Левая нога ерзала коленом по стене, периодически стуча по ней пяткой. Однако ничего, кроме биения собственного сердца, пульс которого он физически ощущал в висках, Никита уже не слышал. Паника до тошноты сжала что-то в груди. В голове бессвязно болтались слова, отказываясь собираться хоть в скольконибудь вменяемые фразы. Вырвал Краевского из оцепенения захлебнувшийся в ужасе крик Веры за спиной.

— Скорую! Живо! — рявкнул он на жену, и та, сшибая углы, побежала к телефону.

А дальше все происходящее окончательно превратилось в жутковатое кино, которое Никита наблюдал как будто из-за стекла, окружавшего его аквариума. Эту ночь он запретит

себе вспоминать, и эту ночь он никогда не забудет.

Вера не краешке детского компьютерного стула заламывает руки. Глаза прикованы к Мишане, губы сжаты, слезы текут по стиснутым скулам. Хочется сказать ей, чтобы отвела взгляд, но он не может даже открыть рот.

Люди в синих рубахах, казавшиеся гигантами в декорациях из детской мебели на фоне развешанных героев комиксов и детских зарисовок. Они задают какие-то вопросы, он что-то отвечает. Два укола, Мишаня обмякает на носилках, капельница. Скорая, слепя синими огнями, с воем несется за сто двадцать. Он не отстает.

Приемный покой. Суета. Носилки с сыном скрываются за стеклянными дверями.

Вера и Никита остаются одни в звенящей тишине. Ни у нее, ни у него нет ни сил, ни мужества эту тишину нарушить.

Глава 2. Карточный домик Краевских

«Ультрасветлый пепельный» безжалостно обжигал щеки, голову и брови. Аммиачный запах не давал дышать. Слезы текли ручьем даже из закрытых глаз. Краевский сидел в дамской шапочке для душа, запрокинув голову, упершись изветшавшими, старческими, худыми руками в колени, на полу ванной комнаты и покорно ждал, когда сработает таймер.

«Враждуют друг с другом одни слова, в жизни добро и зло сплетаются», — пронеслась в голове Никиты цитата великого автора. После того, что он сделает, его сочтут злодеем. Они будут правы. Но он будет знать, что лишь восстанавливал суть вещей. Будет прав и он. Человек должен знать цену своих поступков. Видит бог, лишнего он не допустит. Как просто, не думать об общепризнанной морали, когда ничто внутри не сомневается в правильности пути. Любые усилия становятся лишь шагами. Жизнь, наполненная смыслом, мишуры не замечает.

Сидя на дне коробки из салатowego кафеля, Краевский за закрытыми веками рисовал себе догорающий летний вечер в московском парке. Рассеянные лучи в темнеющей листве крон. Металлическая гладь пруда, обрамленная идеально подстриженной травой. Рыжие утки, ломающие блики лучей в этой глади. Ровные линии асфальтовых дорожек.

Готовящиеся к пробуждению ретрофонари. Два скрипача, собрав вокруг себя небольшую группку зрителей, импровизируют на тему Синатры. Явно гордящаяся своим образом, стильная женищина плывет мимо, держа на поводке облаченного в розовое пекинеса. На соседней лавочке две дамы преклонного возраста отводят душу в возмущенном обсуждении парочки, беззастенчиво целующейся в беседке напротив. С детской площадки неподалеку доносятся веселые визги. Где-то там же шелестят по шершавым покрытиям скейты и роликовые коньки. Оазис умиротворения в мире тревог и погонь мегаполиса. Рядом на лавке Мишаня грызет пломбир, выхватывает куски ледяной сладости из вафельного стаканчика. Краевский знает, что сын вот-вот ойкнет и будет жаловаться на боль в зубах, а он начнет песню «ну сколько раз тебе повторять». Из-за поворота на аллею выходит Вера. Ситцевое платье в горошек, локоны по плечам. Она видит их, улыбается, машет рукой и медленно идет к скамейке.

Из телефона раздалось дребезжание, попискивающее сороковую симфонию Моцарта. Впуская реальность, вечер в парке послушно таял. Вечер, который ему так часто нравилось себе представлять. Вечер, которого уже никогда не будет. Вечер, о котором он научился не жалеть. Никита встал, отключил таймер, медленно залез в душ и пустил на голову спасительные струи теплой воды.

Когда Краевский вошел в палату, Вера сидела, собравшись в маленький тугой узел, на кресле в углу. Ноги подобраны, руки не обнимают, а скорее, стискивают живот. Она не сводила стеклянных глаз с покоящегося под паутиной медицинских трубок сына. На выжидающий взгляд Никиты она не ответила.

— Тебе нужно пойти домой отдохнуть, — очень тихо, как будто стараясь не разбудить Мишаню, сказал он после нескольких минут тишины, которую резал мерный писк кардиомонитора.

Вера едва заметно покачала головой, не сводя глаз с сына. Подождав еще несколько отвратительных писков, Никита сделал вторую попытку:

— Ты же слышала доктора, ему могут потребоваться недели, чтобы очнуться.

— Нет, — прошептала Вера, не шелохнувшись.

— Малыш, ты не можешь оставаться здесь круглосуточно.

— Не могу...

— Врачи уверены: его жизни больше ничего не угрожает.

— Да...

— Вера, посмотри на меня!

Она повернулась и взглянула на мужа. Супруги пробыли в больнице уже больше двадцати часов, но Никита вдруг по-

нял, что они впервые за это время открыто смотрят друг другу в глаза.

— Я просто не готова, Ник... — Вера говорила неожиданно спокойно и мягко, но звучали в этом спокойствии ноты лишенной надежды отрешенности. — Пожалуйста... Я не могу встать и уйти... Не сейчас... Я еще не готова...

Краевский кивком головы прервал ее попытки объясниться, вздохнул, медленно подошел к креслу, сел рядом с женой на подлокотник и взял ее за руку.

Они сидели молча, теперь уже оба глядя на сына. Мерно вздымался и, шипя сжимаясь, опускался гофрированный мешок, дышащий вместо Мишани. Мерзкий звук монитора по прежнему отмерял медленное, чересчур медленное, сердцебиение девятилетнего сердца.

Чуть больше часа назад Никита разговаривал с седым угрюмым врачом, тем самым, что объявил о необходимости срочного хирургического вмешательства, а потом три часа колдовал у их малыша в голове. Мастер скальпеля и аспиратора пустился в долгие теоретические разглагольствования о невозможности делать прогнозы, о тяжести комы третьей степени, о широте шагов развития медицины в борьбе с последствиями. Краевский еле дождался окончания избыточной сослагательными наклонениями речи врачевателя. Потом нашел укромное место в лабиринте больничных коридоров и долго сидел в белесой холодной тишине под лампами дневного света. Кома третьей степени. Месяц назад он редактировал статью о коматозных сос-

тояниях для какого-то именитого нейрохирурга. Какая ирония. Тогда самонадеянная уверенность в завтрашнем дне не позволяла даже предположить, что эта беда может его коснуться. Кома третьей степени означала почти полное отсутствие надежды, на то, что после пробуждения Мишаня сможет вернуться к прежней жизни. Никита это знал. Вера не знала. Он ей не скажет. Не хватит духа сказать. Да и зачем?

— Почему у него до сих пор сжата рука? — вдруг тихо спросила Вера.

Правая рука Мишани была крепко прижата к груди и согнута в локте. Кисть беспомощно свисала где-то в районе ключицы. Ровно так же, как когда его выносили из дома на носилках.

— Спастика, — монотонно произнес Никита, — нужно будет разрабатывать, когда вернется мышечная активность.

Солнце клонилось к закату. Ровно сутки назад он был в магазине, выбирал бутылку дорогого игристого и тихо мурлыкал под нос в ожидании грядущих перемен. Чего ждать от будущего теперь, он боялся даже подумать.

Удивительно, насколько четко закрепились в памяти все эти, сутки назад почти не знакомые, сложно-сочиненные слова, которым теперь, судя по всему, суждено сопровождать его всю дальнейшую жизнь. Эпидуральная гематома, вызванная ушибом, посттравматическая псевдоаневризма, отек мозга с угрозой дислокации...

Когда Краевские выехали из больницы домой, было уже

совсем темно. Сколько времени, Никита не знал, да и знать не хотел. Дороги совсем пустые. Видимо, поздно. Отмелькали огни Садового, сменяли один другого переулки до Третьего кольца.

— Что случилось в школе? — вторгся в сон наяву тихий немного осипший голос Веры.

— Мм?.. — Никита знал, о чем она, но как же не хотелось сейчас говорить.

Вера сидела, все еще как будто пытаясь собрать себя в клубок, и неотрывно глядела в окно.

— Он же рассказал тебе, я знаю, — продолжила она на одной ноте. — Что он рассказал? Его ударили по голове? Толкнули? Кто это сделал?

— Никто ничего не сделал, — спокойно проговорил Краевский. — Он поскользнулся, упал, намочил одежду, был осмеян и сильно переживал.

— Как он упал?

Никита шумно вздохнул.

— Он поскользнулся. Малыш, каждый звук как ножом в висок. Давай доедем до дома, поспим и поговорим завтра.

Вот оно, коронное Краевское... Уход от разговора, к которому он не готов. Если бы дело не касалось здоровья Мишани, Вера была бы уверена, что муж что-то скрывает, желая сде-

лать по своему то, против чего, заранее знает, она выступит. В ту минуту подобное предположение казалось безумием. Вера поежилась, как будто пытаясь поглубже укутаться в свое пальто. Сил разбираться в противоречиях не было.

— Я была уверена, что наш мирок похож на крепость, — почти прошептала она, потом закрыла глаза и добавила еще тише, — Мишаня поскользнулся, и твердыня разлетелась, как карточный домик.

Женскому чутью Веры не нужны были прогнозы врачей. Никита почувствовал, что больно глотать. Он промолчал. Они добрались до дома и легли спать, не сказав друг другу больше ни слова.

Утреннее солнце пекло сквозь окна, заливая комнату жизне-радостным светом. Из Мишаниной комнаты сначала негромко, а потом всё более настойчиво понеслись звуки мелодии его любимого мультфильма. Будильник, который никто не удосужился отключить. Вырванного из тяжелого сна Краевского почему-то охватила ярость. В три прыжка он оказался в детской, схватил ни в чем не повинную голо-сившую колонку и с такой силой швырнул ее в стену, что та разлетелась на куски, а отрикошетившая крышка больно ударила его по плечу. Ярость вдруг лопнула, оставив внутри лишь пустоту. Взгляд упал на злосчастную фигурку Человека-паука. Какое-то время Никита, замерев, смотрел на воинственного красавца пустыми глазами, а потом развернулся и пошел к двери.

Он вернулся в спальню. Вера, закопавшись в одеяло и

уткнувшись лицом в подушку, рыдала. Он забрался в постель, обнял жену со спины и что есть силы прижал к себе. Она долго плакала, стискивая его руки, как будто ища в них спасения. Он прижимался губами к ее затылку. Потом слезы ее начали утихать, дыхание успокоилось, и они какое-то время лежали в тишине. А еще через несколько минут Вера, медленно высвободившись из рук мужа, встала, накинула халат и вышла из комнаты.

По знакомым звукам, доносящимся из кухни, Краевский понял, что она принялась готовить завтрак.

***

Алекс вернулся домой из школы в прекрасном настроении. Наяда из соседнего класса, давно сводившая его с ума игривостью каждого движения и мнимым (как он надеялся) целомудрием речей, приняла-таки его приглашение в кино. Тренировка по баскетболу закончилась безоговорочным единоличным триумфом. Контрольная по истории была мастерски подчистую списана у незадачливой пятерочки без единого замечания от учителя.

— Пойдем-ка, дружок, поговорим...

И тон, и вид отца, встретившего юного Радзинского в коридоре, продолжения полосы везения не сулили.

Семён Павлович, насупившийся, словно человек, которому никак не дается решение сложной задачи, стоял, держа руки в карманах, раскачивался с пятки на носок и буравил гла-

зами сына. Похоже, все было куда серьезней, чем выговор за вскрывшуюся провинность.

Шагая за развернувшимся на каблуках отцом по коридору, Алекс перебирал в голове содеянное за последние несколько недель, пытаясь понять, что теоретически могло привести к неприятностям. Вариантов было несколько. К тому моменту, как они добрались до кабинета, к каждому из них с мастерством искусного художника разум Алекса уже создал эскизы защит.

Семён Павлович закрыл за собой дверь, жестом приказал сыну сесть, достал сигареты, закурил, выдержал паузу.

— Фамилия Краевский тебе о чем-то говорит? — следовательским тоном спросил он.

— Нет... — сконфуженно ответил Алекс, который искренне не понимал, о чем идет речь.

— Михаил Краевский. Пятый «А», кажется. В твоей школе.

Вот теперь ясно. Несмотря на то, что Алекс и на этот случай обдумал оборонительные ходы, он снова пожал плечами и помотал головой по наитию, пока сам не зная зачем, пытаясь выиграть время.

— Парнишка лежит в коме с черепно-мозговой. Состояние стабильное, но тяжелое. Я навел справки. Говорят, избежать инвалидности ему не светит. — Семён Павлович говорил очень медленно, растягивая слова, и не сводя глаз с мгновенно побледневшего лица сына. — Скорее всего, вообще

останется овощем...

Алекс почувствовал легкий приступ тошноты. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы подавить позывы. Связать происшествие с подобными последствиями казалось невозможным, и все же сомнений не было: разговор идет именно об этом.

— Но я... — начал было он, но придумать, что сказать, совершенно не получалось. В голове царил полная неразбериха.

Пауза затянулась.

— Мои ребята из отделения говорят, камеры сняли, как ты во время урока заходил в уборную после бедняги. Парень вышел обратно в коридор через восемь минут за тобой, весь мокрый и явно не в себе. Кроме вас, там никого не было.

— Я его не бил! — слова сорвались сами собой. Алекс услышал свой голос как будто откуда-то издалека. — Он упал... сам... поскользнулся... я просто...

— Помолчи, — перебил суровым тоном Семён Павлович, вздохнул, глубоко затянулся сигаретой и, выпустив из себя внушительный клуб дыма, продолжил. — По расчетам врачей ваш совместный поход в туалет укладывается в двухчасовой промежуток времени, когда была получена травма. Никаких других происшествий в это время не было.

Радзинский-младший уставился молча в пол. Впервые в

жизни он ощутил во всей полноте страх того, что его беззаботная, успешная, удачливая жизнь вот-вот сломается и не будет подлежать восстановлению. Стало тяжело дышать. Отец смотрел на него с суровым спокойствием.

— Выкладывай, — хрипло скомандовал он.

— Я с ним даже не знаком, — Алекс заговорил сдавлено и тихо, все так же не сводя глаз с пола. — Пацан изгадил мне ботинок йогуртом, пока я был на тренировке. Белов заметил, как он из раздевалки выбегал. Я заставил сопляка отмывать. Он сам там весь пол заплескал, а потом поскользнулся и рухнул.

— А с чего бы это ему твой ботинок «гадить»?

— В отместку. Я на его дружка кисель в столовой случайно вылил.

Несколько судорожно вздохнув, словно чтобы собраться с силами, Алекс наконец поднял голову и встретился взглядом с Семёном Павловичем.

— Приложился он знатно... — еще тише добавил он.

— Что ж ты его к сестричке не отвел?

— Так я ж не доктор! — огрызнулся было Алекс.

Едва заметного движения бровью отцу хватило, чтобы он снова утих и начал оправдываться:

— Я спросил, пацан сказал, что всё в порядке.

— Белов знает, что ты туда за ним пошел?

— Нет. Наши разошлись все уже. Я его вообще-то в коридоре после урока подловить хотел. А тут смотрю, вышел и в сортир поскакал.

С полминуты висела тишина, потом Семён Павлович громко хмыкнул, обошел стол, затушил уже успевшую превратиться в бычок сигарету и сразу закурил новую.

«Дело дрянь...» — пронеслось у Алекса в голове, пока он наблюдал, как отец, померив шагами комнату, подошел к окну, и глубоко вдыхая дым, устремил взгляд куда-то вдаль. Радзинский-младший вперился в плечи отца, словно по их очертаниям, как по кофейной гуще, можно было прочесть грядущее.

— Думаю, допросить тебя придут уже завтра, — размеренно, без каких-либо эмоций протянул басом отец, задумчиво глядя в окно. — Дуй к себе в комнату и не высовывайся. Я приду через пару часов, отрепетируем разговор. Скорее всего, будем говорить, что ты пацана и знать не знаешь, и видеть не видел. Но мне нужно еще кое-что выяснить.

Семён Павлович наконец повернулся к сыну. Его не щедрое на мимику лицо было вполне спокойным, но что-то в глазах заставило Алекса еще больше съежиться на стуле.

— Это последняя история, из которой я тебя выпутываю, — продолжил он тем же манером, — вляпаешься еще раз — будешь расхлебывать сам. Даже если под угрозой будет все,

что мы с матерью в тебя вложили. Имей это в виду. Разговор о том, насколько я разочарован степенью твоей безответственности, пожалуй, оставим твоей матушке, которой, кстати, пока ничего говорить не надо.

За неимением в голове никаких прочих вариантов, Алекс молча кивнул.

— Иди, — кивнул отец на дверь.

***

— Он вам как-то это объяснил?

На редкость добродушного вида следователь в клетчатом пиджаке сделал глоток кофе и внимательно посмотрел сначала на Веру, потом на Никиту.

«Надо же, даже не поморщился», — пронеслось в голове у Краевского. Кофе в больничном кафетерии был отвратителен. Как, впрочем, и само душное, пропахшее прогорклым маслом помещение, перегруженное круглыми столиками и страдающее от нехватки окон.

— Я только видела, что он был сильно расстроен. Не заметила ничего... — тихо начала было Вера, но осеклась. Говорить о том, что она не видела признаков недомогания, было чересчур тяжело. Чувство вины моментально перехватывало дыхание.

Никита краем глаза увидел, как жена дрогнула всем телом, сделала глубокий вздох, а потом продолжила:

— Доверенным лицом у Мишани всегда был папа.

Она не смотрела на него, но Краевский почти физически чувствовал, с каким нетерпением Вера ждет, что же он скажет.

— Придя домой, я первым делом пошел поговорить с сыном, — спокойно проговорил он, — на последнем уроке он упал в туалете.

— Он рассказал, как это произошло.

— Глупо произошло... — опустив глаза, с горечью ответил Никита. — Друг подарил ему игрушку, они заляпали ее компотом на обеде. Помыть до конца перемены не успели. Мишаня решил сбежать в уборную посреди урока. Пока мыл, сам расплескал на пол воду. Потом заметил, что облил штаны. Дернулся, чуть не уронил игрушку. Дернулся опять, поскользнулся... упал... Сам до конца не понял, что произошло.

— А почему, как ваша супруга говорит, он был так сильно расстроен?

— Детвора осмела его, когда он явился в мокрых насквозь штанах, со всей присущей юности жестокостью, — задумчиво сказал Никита, а потом тихо добавил уже совсем потухшим голосом. — А может быть он уже не очень хорошо себя чувствовал.

— Вероятность того, что подобного рода травма спровоцирована простым падением крайне мала, — в голосе сле-

дователя неожиданно проявились нотки провокации, однако взгляд продолжал выражать исключительно добродушие.

Представитель закона сделал еще один глоток кофе. Никита не удержался и слегка поморщился за него.

Их глаза встретились. Взгляд Краевского был спокоен и непроницаем, сидящий напротив следователь изучал его лицо со сдержанным азартом опытного следопыта. Оба как будто не замечали рядом Веры.

— Камеры в школе в процессе установки, сейчас они есть только в коридорах, да и то на двух этажах. Отследить все передвижения вашего сына в день происшествия мы не смогли. Однако видели, как ученик одиннадцатого «Б» класса, некий Александр Радзинский, заходил в туалет в то же время, когда там был Михаил. И вышел незадолго до него.

Следователь выдержал паузу, снова выжидательно переводя взгляд то на Никиту, то на Веру.

— Вы ничего не слышали о, возможно, конфликтах со старшеклассниками? Или конкретно с этим учеником?

— У Мишани не было конфликтов в школе, — как будто выдавила из себя Вера. — Не было же, верно?

Она сверлила взглядом сидящего рядом мужа. Никита коротко кивнул, не ответив на ее взгляд.

— И о Радзинском мы никогда не слышали, — добавил он.

— А с кем из друзей вашего сына стоило бы поговорить?

Вера начала суетливо называть имена Мишаниных одноклассников, но Никита был уже не с ними. Внешний мир схлопнулся, оставив его в футляре внутренних ощущений.

***

— Его не было минут десять-пятнадцать. Я уже готовилась написать замечание в дневник, но он вернулся такой жалкий и мокрый. Я, честно говоря, его пожалела. Проямлил что-то, про то, как поскользнулся на луже в туалете. Ребята потешались. При виде мокрых порток в каждом пятикласснике пробуждается юморист.

Алла Владимировна рассеянно теребила уголок лежащей на столе тетради.

— У него были с кем-то конфликты в классе? Или распри со старшеклассниками?

Присев на краешек парты, следовательно с легкой ностальгией оглядывал кабинет истории.

— Михаил был... ох, боже мой, простите, — учительница запнулась и зашлась краской, — Миша Краевский — тихий мальчик. Не очень прилежный, не слишком внимательный. На уроках все время рисует что-то, вместо того чтобы слушать. Но он совсем не бузотер. Ни драк, ни хулиганства... А почему вы спросили про старшеклассников?

— А что вы можете сказать об Александре Радзинском?

Говорят, яркий персонаж.

— Не то слово, — улыбнулась Алла Владимировна. — Этот персонаж светит на всю школу. Красив, умен, талантлив. С раздражающей непринужденностью идет на золотую медаль, имея при этом статус не зубрежника и всезнайки, а «первого парня на деревне». А почему вы про него спросили? Они что, с Мишей были знакомы?

— Этого я пока не знаю, — в свою очередь улыбнулся следователь.

***

— Вот так взял и подарил?

— Вот так взял и подарил, — Серега съежился на диване и с опаской поглядывал то на отца, которому он наврал, что фигурку потерял, то на высокого мужчину в клетчатом пиджаке, который смотрел на него с неоправданной, как ему казалось, строгостью.

— А как игрушка в компоте оказалась?

— стакан опрокинули.

— Миша ссорился с кем-то из ребят последнее время?

— Да нет...

— Со старшеклассниками конфликты были?

— Мы же себе не враги.

С детьми никогда не поймешь, нервничает он из-за вопроса незнакомым взрослым или дергается, так как что-то скрывает.

— А Радзинского из одиннадцатого «Б» ты заешь?

— Все знают.

— Друг твой с ним знаком?

— Нет. Он же звезда школы. Чего Радзинскому с нами знакомиться?!

— Ясно. Что делал в уборной, он тебе сказал?

— Он после урока сразу смылся. Над ним смеялись все, он сразу на парковку побежал.

Следователь устало вздохнул. До чего же нелепое и одновременно грустное дело.

***

Дни последних трех недель утекали монотонным отсутствием перемен, забирая с собой по крупице жившую в груди надежду на чудо. Чем дольше длится кома, тем, как правило, тяжелее последствия. Состояние Мишани не демонстрировало никаких перемен.

Вера отменила все уроки. Каждое утро она отправлялась в больницу, где под мерное шипение гофрированного мешка и писк компьютерного датчика читала Мишане его комиксы, на которые раньше даже не смотрела, отказываясь

уважать увлечение сына. Она обсуждала с ним, как будто он мог ей ответить, каждого супергероя, разминала ему ладони и стопы, пела любимые песни, пока вернувшийся с работы Никита не забирал ее домой.

Заходя в палату, он не спрашивал, есть ли новости. Полное отсутствие перемен в мизансцене с первого взгляда давало понять, что за ответ он получит.

Вера так ни разу и не попросила его взять отпуск. Никита был благодарен ей за это. Втроем в больничной комнатухе они бы задыхались. Да и Краевский каждый раз, оставаясь в плену бежевых стен палаты, чувствовал себя лишним.

Что-то необъяснимо сильное и интимное забрало сейчас мать и сына в свой кокон. Словно она вновь укрыла его в своем чреве, а задачей супруга было лишь поддерживать мир вокруг в спокойствии и тепле.

Выпуск книги отложили на месяц, и он надвигался мощной тенью ледокола, не принося ничего, кроме ощущения тяжести. Сейчас с трудом давалась даже редаKTура. Сконцентрироваться на буквах и запяTых получалось не лучше третьеклассника.

Куда уж там до презентаций, улыбок и встреч с читателями.

Будущее, благополучие которого, как неожиданно оказалось, совершенно не зависело ни от какой успешности, было закрыто непроницаемой пеленой неизвестности.

С одной стороны, это сводило с ума. С другой, то, что могло

быть за этой пеленой, пугало настолько, что хотелось просто тишины.

Отпуск Краевский все-таки взял. Но не сказал жене. Ей сейчас нужны были комиксы и рука Мишани, ему — одиночество и размышления.

Никита сидел на мягкой траве лужайки напротив школы, прижавшись спиной к раскидистому дубу. Тот шелестел у него над головой своей кроной, радуясь бушующей вокруг энергии жизни.

Уроки закончились, через дорогу по двору носились, словно вырвавшиеся на волю из вольера щенята, маленькие счастливые человечки. В нескольких из них Краевский узнал одноклассников Мишани. Смех, крики, топот, стук мяча об асфальт рикошетили от стен домов и гулко наполняли пространство вокруг.

На парковку слева от школьного двора подъезжали разномастные машины. Из них выходили не менее разношерстные мужчины и женщины. Все они, в большинстве своем озабоченные проблемами, явно недооцененными окружающими, спешили за своими чадами и, выудив отпрыска из-за красно-голубого частокола, сажали в машины и увозили прочь.

За тридцать минут, проведенных под дубом, Никита проводил глазами не меньше трех десятков машин. Ни у одного из приехавших родителей не удалось прочитать на лице простой и такой, казалось бы, обязательной и очевидной

радости, что их ребенок жив-здоров, смотрит, горланит, как голодный птенец, носится крепкими ногами по земле.

Все они были слишком заняты тем, что влачили свои неведомые, надуманные оковы.

Печальное самозаточение. Бескрылые люди, день за днем обрезающие крылья своих детей.

На парковке появилась шумная группа старшеклассников. Радзинского, который был центром этой компании, Краевский узнал мгновенно. Следователь показывал ему фотографию с этим лучившимся уверенностью лицом.

Алекс небрежно обнимал юную красавицу, которая позволяла себе смотреть на него с неприкрытым обожанием. Рядом шагали еще четверо подростков.

Сцена смахивала на картинку из глянцевого журнала. Все разодеты по последней моде, молоды, красивы и счастливы донельзя.

Никита не спускал с Алекса глаз. Компания ребят подошла к припаркованному мопеду. Новенький стальной конь отливал оранжевым с серебром. Коричневые кожаные сидухи, декорированные ковбойской бахромой боковые и задний короба из того же материала. Пижонская игрушка не из дешевых.

Алекс по-хозяйски оперся о байк, наслаждаясь беззаботной беседой с приятелями.

Было что-то режуще несправедливое в этой картинке плещущего через край юношеского благополучия. Что-то, что до стиснутых зубов хотелось исправить.

У Никиты зазвонил телефон.

— Алло?

— Никита Алексеевич?

— Да.

— Здравствуйте. Это из третьей городской. Ваш сын проснулся.